

ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ «НЖ»

Проходя мимо дома № 17 по Тверской улице, внимательный прохожий обязательно обратит внимание на две мемориальные доски героям Советского Союза. Одна из них — лётчику Александру Ивановичу Горголюку, потерявшему зрение во время Великой Отечественной войны. Имя этого человека вспомнят сейчас, пожалуй, лишь ветераны ВОС, а между тем, Александр Иванович наряду со многими фронтовиками внёс серьёзный вклад в деятельность Всероссийского общества слепых.

Более полувека назад, в мае 1973 года, на страницах «НЖ» была опубликована статья «ГВАРДЕЙЦЫ НЕ УХОДЯТ В ОТСТАВКУ», подписанная А. Островским. Её текст мы приводим ниже.

***

Утро на редкость выдалось солнечным и тихим. Даже обидно: будто не июнь 43-го, а нормальное довоенное воскресенье. Звук, густой и резкий, внезапно упал с неба, разметав в клочки ласковое утреннее безмолвие. Чёрные точки быстро росли на глазах, принимая очертания «юнкерсов» и «фокке-вульфов».

Двадцать шесть бомбардировщиков в сопровождении двенадцати истребителей шли на бомбёжку Курского железнодорожного узла. Шли уверенно и упрямо. Подвывали от натуги моторы, выволакивая из воздушных ям перегруженные смертью машины. Ещё три минуты полёта. Только три...

А в следующую секунду четыре стремительные краснозвёздные машины врезались в боевой порядок врагов, и вот уже два «юнкерса» отваливают в сторону, расчерчивая небо дымовыми хвостами, и где-то далеко за городом подрываются на собственных бомбах. Вслед за ними отправляется «фокке-вульф», потом ещё один.

Бой воздушный скоротечный... Будто вороньё, смешались в кучу фашистские стервятники. Но уж слишком неравны силы. Вот четырёх

«фокке-вульфам» удалось оттеснить в сторону «ястребок» старшего лейтенанта Александра Горголюка, и ещё более бешеная, чем прежде, карусель закружилась в стороне от основного боя. Один против четырёх. Ничего, бывали и не такие переделки. «Держись, Сашка! — слышит Горголюк в наушниках шлемофона голос своего ведомого Ивана Мамонова. — Я здесь!» — «Держусь!» — кричит в ответ Горголюк. И в ту же секунду успеваешь нажать на гашетку пулемёта. И ещё один «фокке-вульф» пропал из вида, рухнув куда-то вниз. Вот Горголюк, на мгновение вырвавшись из круговерти, плотной очередью отрезает крыло ещё у одного фашиста.

В пылу боя Горголюк не успел понять, что произошло, когда его самолёт кувыркнулся раз, второй, третий и вдруг, брюхом кверху, начал падать. Он помнил лишь яркую вспышку перед глазами как раз в тот момент, когда нагнулся перезарядить пулемёт. Будто кто-то сильно бросил в лицо кучу битого стекла. И — темнота. «Эх, чёрт, очки...» — мелькнула запоздалая мысль. Очки были на лбу. Чтобы не мешали. Они остались целёхоньки. А глаза... «Ослеп», —

подумал Саша и сам удивился, что думает об этом спокойно, как о каком-то другом, незнакомом ему человеке. Он чувствовал, что летит вниз головой. Из-за спины пахло дымом и гарью. «Неужели конец? Ну, нет!» Огромным усилием воли собрал в кулак нервы и заставил свои руки работать. На ощупь отстегнул ремни, отодвинул фонарь.

Ветер обжёт лицо, и Саша невольно вскрикнул от боли в глазах. Мелькнула ещё одна мысль: не повреждён ли парашют? Но и она не задержалась в сознании. Перекинул через борт ногу, затем другую и сразу же провалился глубоко вниз...

«Фокке-вульф» сделал два круга над куполом парашюта, потом спустился пониже, пытаясь достать болтающуюся на стропах фигурку пулемётной очередью, и ушёл в небо. Там с новой силой разгорался воздушный бой.

— Что с Горголюком? — спрашивал командир полка подполковник Иван Хлусович возвращающихся из боя лётчиков. — Живой?

— Эх, какого парня потеряли, — сокрушались техник Илья Свистуновский, инженер Гайворонский, все лётчики гвардейского истребительного полка. Весть о ранении Горголюка дошла и до друзей — Героя Советского Союза Александра Семёнова, Сергея Долгушина, Сергея Антипова, до командира соседнего истребительного полка Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Вместе начинали войну, били немцев подо Ржевом, Ленинградом, Москвой, все были уверены, что доживут до победы, будут бить немца и над Берлином.

А ведь в каких переделках приходилось бывать! Под Ленинградом вшестером дрались с тридцатью «мессерами». И победили. Под Москвой однажды возвращались на базу, бензин на исходе. Откуда ни возьмись — стая немцев. Тогда тоже подожгли самолёт Горголюка. А потом смеялись, когда он рассказывал про свой прыжок с парашютом:

— Чую, ребята, кожанка на мне горит. Решаю прыгать. Переваливаюсь за борт, а прыгнуть не могу. Как будто кто-то схватил меня и держит. Я уж подумал, может, кто в кабине спрятался! А парашют за фонарь, оказывается, зацепился. Лежу на фюзеляже, огонь всё ближе и ближе. А я всё парашют отцепить никак не могу. Наконец, отцепляюсь и лечу вниз...

Смешного, конечно, ничего, а смеялись. Тому, что жив этот весёлый одесский парень, с кем вместе начинали подо Львовом войну, что снова поколотили фрицев, что светит солнце над головой...

И было совсем не смешно, когда Сашу, летевшего на «харрикейне», сбили свои же ребята из другого полка. За немца приняли. И ничего. Тоже остался жив и здоров. Правда, каждый вынужденный прыжок чего-нибудь да стоил. Первый раз сбили — потерял зубы. Второй раз — обгорел. Третий — это свои, не в счёт. И вот четвёртый...

— Зато и фрицам от Саши досталось, — начал подсчитывать командир полка Иван Хлусович. — Пятнадцать самолётов сбил лично. Триста

семьдесят шесть боевых вылетов сделал. Два ордена Красного Знамени. Одним словом — гвардия.

...А гвардии старший лейтенант Александр Иванович Горголюк лежал в это время в одной из палат госпиталя в Курске.

— Жив, конечно, будет, но зрение сохранить не удастся, — таков был приговор медицины.

Это было в июне. А второго сентября 1943 года судьба подарила Александру неожиданную радость: ему было присвоено звание Героя Советского Союза. И вместе с большой Золотой Звездой получил он четвёртую звёздочку маленькую — на погоны. Стал гвардии капитаном. Так и в отставку ушёл: гвардии капитан. Как говорится, по чистой.

...Тридцать долгих лет минуло с той поры. Долгих и в то же время быстрых. Вот уже и дедушкой успел стать. Жизнь не раз закручивала перед гвардейцем тугие узлы. Казалось, вчера он делал первые шаги с палочкой, которая теперь заменяла глаза, и брал первый рубеж в замысловатой азбуке Брайля, а уж давно за плечами и техникум, и зрелый опыт руководителя. Центральная студия звукозаписи Всероссийского общества слепых, которую сегодня возглавляет Александр Иванович Горголюк, успешно выполняет план третьего, решающего года пятилетки. Кабинет директора всегда открыт для посетителей, будь то служебные или личные вопросы. О нём на студии так и говорят:

— Наш Горголюк.

Просто удивительно, сколько бодрости, душевной теплоты, мягкого юмора сумел сохранить этот человек, которому с огромным напряжением приходилось преодолевать каждую ступеньку на крутой лестнице жизни.

И гвардеец всегда в гуще жизни. Встречается со школьниками, с однополчанами, ездил в Одессу, в аэроклуб.

Каждое свидание с боевыми друзьями превращается в праздник. Приехал в полк. Думал как-нибудь потихоньку, незаметно погостить да и уехать. Не тут-то было! Встретил старый друг инженер Гайворонский, до

упаду водил по ангарам, помог забраться в кабину МиГа, начал объяснять, что к чему. А сам всё приговаривает:

— Вот бы, Саш, тебе тогда такую машинку!

Не выдержал Александр Иванович, взмолился:

— Не дразни, ради бога! Сам же видишь, как полетать хочется!

А вечером в клубе допоздна рассказывал ребятам о войне, о бесчисленных схватках с фашистами, о первом командире полка капитане А. Сергееве, комиссаре В. Зиновьеве, об отважном лётчике Сергее Макарове, о Героях Советского Союза Александре Семёнове и Сергее Долгушине, о своём бывшем командире Иване Хлусовиче. Молодые лётчики долго не отпускали ветерана: ведь он был живым свидетелем тех героических лет, сам творил ратную историю гвардейцев.

Почаще выпадают встречи с боевыми друзьями-москвичами — бывшим техником Ильёй Свистуновским, истребителями Владимиром Латышевым и Степаном Новичковым. А вот недавно в гости не то что к Горголюку, а ко всему коллективу студии звукозаписи пришли гвардии генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза А.Ф. Семёнов, гвардии генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза С.Ф. Долгушин, гвардии полковник Герой Советского Союза Ю.А. Антипов.

— Наша дружба, — рассказал собравшимся Сергей Фёдорович Долгушин, — началась в августе сорок первого года в сто восьмидесятом истребительном полку, который потом стал гвардейским. Если вспоминать боевые эпизоды — всякое было. Но мы всегда верили в победу, и эта вера помогала нам бить врага.

Юрий Александрович Антипов — первый учитель Горголюка в нелёгком лётном искусстве, а самого его в своё время учил ещё Валерий Чкалов.

— Мы отдали всё, что могли, за Родину, — сказал он в своём выступлении. — И передали эстафету молодым. Самый памятный день войны для меня, — продолжал Юрий Александрович, — это наша победа

под Москвой. Прекрасное зрелище, когда враг, в страхе бросая оружие и технику, бежит...

И долго ещё бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, в которых не выдерживал металл, а люди стояли крепче брони. И, казалось, не было этих трёх десятков лет, разгладились морщинки, помолодели лица. И нет белых висков, и чёрных, закрывающих глаза, очков. Будто из книги Александра Фёдоровича Семёнова, книги о лётчиках, сошли сюда на трибуну эти люди.

Нет, не уходят гвардейцы в отставку!

P.S. Над памятной доской Александру Горголюку работал заслуженный художник России, профессор, член-корреспондент Российской академии художеств Игорь Бурганов. Он изобразил бюст лётчика на фоне мирного пейзажа, а высоко в небе виден самолёт, на котором сражался герой.